

информационного общества, активизирующий политический экстремизм привели к возникновению ряда локальных и региональных военных и политических конфликтов, экономическому кризису в мире и тяжелым социальным потрясениям на территории восточнославянского региона.

Список использованных источников

1. Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию 29 апреля 2015 года. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru. – Дата доступа: 09.05.2015.
2. Демчук, М. И. Интернационализация высшего образования в контексте зарубежного опыта / М. И. Демчук; под ред. М. И. Демчука [и др.]. – Минск: РИВШ, 2012. – 124 с.
3. Волнистая, М. Г. Университетское образование и социальные компетенции специалиста: сб. науч. трудов РИВШ. Философско-гуманитарные науки / М. Г. Волнистая. – Минск, 2011. – Вып. 10. – С. 231.
4. Слуга, О. Г. Асоба за ўніверсітэцкай кафедрай (ці хто навучыць студэнтаў інавацыйнай «эканоміцы ведаў») / О. Г. Слуга // Вышэйшая школа. – № 3. – С. 61–65.

Л. А. Гащенко, С. Н. Котова

Витебская государственная академия ветеринарной медицины,
Витебск

L. Hashchanka, S. Kotava

Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine, Vitebsk

УДК 124.5

ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ

PHILOSOPHICAL-SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF VALUES

В статье анализируется проблема ценностей и её актуализация в научных исследованиях: рассматривается природа ценностей и основной вопрос аксиологии; освещены важнейшие историко-философские и социологические подходы в трактовке ценностей; выявлены марксистские основания в решении проблем теории ценностей; уделено значительное внимание современным концепциям аксиологии; даётся авторское определение понятия «ценность» и их теоретико-методологическое обоснование.

Ключевые слова: ценности; натурализм ценностей; субъективизм ценностей; аксиологический трансцендентализм; диалектическая трактовка ценностей; активно-преобразующая деятельность ценностей; нормативный характер ценностей; теория коммуникативного действия.

This article deals with the problem of value and its actualization in research. Nature of values and principal issues of axiology, the most essential historic-philosophical and sociological approaches in interpretation of value are enlightened and considered. Marxist base in the solution of problems in the theory of values have been revealed. A great attention has been paid to modern axiological concepts. The authors develop their own definition to the concept of «value» and their theoretical-methodological grounds.

Key words: values, naturalism of values, subjectivism, axiological transcendentalism, dialectical interpretation of values, transforming activity of values, normative nature of values, theory of communicative action.

Проблема ценностей и ценностных ориентаций в настоящее время является одной из приоритетных в философских, социологических и психолого-педагогических исследованиях. Именно ценности, согласно социологическим исследованиям, проведенным под руководством Н. И. Лапина, выходят на первый план среди всех мотивов деятельности людей [11, с. 3], поскольку именно они определяют их поступки. При помощи ценностей люди вырабатывают свое отношение к предметам и явлениям окружающего мира, выделяя наиболее значимые, существенные. Ценности проявляют себя одновременно как детерминанты и оценка всех действующих сил и обстоятельств в общественной жизни и социальных групп, организаций.

Проблема ценностей является предметом теоретического анализа, начиная с античности. Но поскольку аксиологическая проблематика в историческом аспекте достаточно основательно исследована в современной социально-философской литературе [1], то выделим лишь сложившиеся подходы к решению основного вопроса аксиологии, который, как известно, заключается в следующем: какова природа ценностей? Существуют ли ценности реально, объективно, независимо от человеческого сознания, или являются продуктом последнего, т. е. существуют субъективно.

Согласно материалистическому подходу (его порой обозначают как натуралистический), ценности трактуют как объективное свойство вещи, которое обусловлено ее телесной природой и присуще ей безотносительно к воспринимающему ценность субъекту, независимо от социальной деятельности последнего. Она имманентна самим предметам и рассматривается как чисто природное явление, а не общественно-историческое. Оценка предмета, в конечном счете, практически состоит в познании его естественных свойств. Проще говоря, она (оценка) только отражает свойства предметов и никак не влияет на сами вещи. В итоге, данный подход не позволяет объяснить все многообразие духовного мира человека, поскольку абсолютизируется вещественная сторона мира ценностей.

Другой подход к ценности основан на субъективно-идеалистическом истолковании активно-преобразующей деятельности индивида, которая рассматривается в отрыве от его чувственно-материальной практики. Сторонники данного подхода исходят из того, что ценности предмета не присущи ему как таковому. Они привносятся в него субъектом, поскольку имманентны самим человеческим чувствам. Так, в частности, основоположник субъективного идеализма Дж. Беркли подчеркивает: «Если допустить, что мир состоит из материи, то красоту и пропорциональность ему придает ум» [2, с. 41]. На аналогичных позициях стоял шотландский философ Д. Юм, полагая, что «сами по себе объекты абсолютно лишены всякой ценности и всякого достоинства. Свою ценность они извлекают только из аффекта» [26, с. 678].

При такой трактовке ценности ее оценка полностью отрывается от познания объективных свойств предметов, а также от выполняемых общественных функций. У сторонников субъективно-идеалистического понима-

ния ценности человек не выступает в своей социальной сущности, и сам объект не обладает общественными свойствами. Оценка только предписывает определенное отношение к конкретным предметам или конкретным действиям. Субъективный идеализм не может дать ответа на вопрос: что заставляет людей относиться к самой вещи так, а не иначе?

Преодолеть указанную трудность в аксиологии попытались представители объективно-идеалистического направления. Они рассматривают ценности как особый мир, существующий идеально и независимо от сознания отдельного человека. Ценности не приписываются предметам произвольно, но они не проистекают и из самих предметов. Ценности напоминают мир идей Платона. Рассуждения Н. Гартмана или неокантианцев В. Виндельбанда и его ученика Г. Риккерта, направлены на одно: обосновать сущность всех ценностей вне личности и вне времени (добро, красота, справедливость и т. д.), их нормативный характер (абсолютное действие).

Для аксиологического трансцендентализма ценность – это идеальное бытие, бытие нормы, соотносящееся не с эмпирическим, а с «чистым» сознанием. Будучи идеальными предметами, ценности, познаются человеком как некий таинственный, скрытый смысл вещей, как их подлинная сущность, не принадлежащие ни к действительному миру, ни к духовной сфере. Это особое «измерение» универсума, постигаемое путем иррациональной интуиции.

Представление об основном вопросе аксиологии получило определенное развитие в марксистской социологии, трактующей ценности в их двоякой, одновременно, естественной и социальной, природе. Нет необходимости подробно анализировать теорию ценностей марксизма, поскольку она всесторонне исследована в социально-философской литературе [7]. Конспективно отметим следующее. Марксистская социология показала, что действенным содержанием и главным результатом исторического развития выступает развитие человека как общественно-производящего социального субъекта. «... Общественная история людей, – писал К. Маркс, есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это или нет» [14, с. 402–403]. Поэтому приписывать вещам или идеям способность к самостоятельному развитию – значит повторять ошибки натурализма и идеализма. Следовательно, марксистская идея единства общественного и индивидуального начал исторического процесса открыла возможность уяснить социальную наполняемость ценностного измерения человеческой деятельности.

Вещи могут изменяться под воздействием естественных причин, разрушаться, физически устаревать, однако они не могут по собственному желанию обретать новую ценностную предметность. По ценностям мы судим не о вещах самих по себе, а о создавшем их человеке, как он раскрывается в результатах своей интегративной деятельности. Вся общественная история обнаруживает себя в ценностях со стороны развития самого субъекта, то есть с человеческой, личностной стороны.

В обширной аксиологической советской и постсоветской научной литературе достаточно исследований по ценностной проблематике [20], однако отсутствует четкое представление о категории «ценности». Оно используется авторами в совершенно разных, взаимоисключающих и несопоставимых смыслах. В социальной философии применяют термин «ценность» для «указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности. По существу все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве «предметных ценностей» как объектов ценностного отношения, т. е. оцениваться в плане добра и зла, истины и не истины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т. д.» [24, с. 765].

Другие авторы под ценностью понимают «именно то, на основании чего любому элементу культуры приписывается определенное социальное значение, но что, в свою очередь, обладает значением, безотносительно к какому бы то ни было иному основанию, кроме имманентных законов самой духовной деятельности» [25, с. 6]. Словом, ценность является результатом смыслополагания, с ее помощью определяются предельные смысловые ориентиры жизнедеятельности.

В социологии под ценностями понимаются такие результаты или продукты разнообразной деятельности людей, которые удовлетворяют какие-либо материальные или духовные потребности людей различных социальных групп [13, с. 148; 609].

Очевидно, что существует насущная потребность в комплексном изучении аксиологической проблематики, которая не случайно является предметом внимания не только философии, но также психологии, социальной психологии, социологии, педагогики, прогностики, теории управления и др. В последнее время в гуманитарных науках делаются конкретные шаги по формированию междисциплинарного подхода к ценностям. Основная проблема заключается в выработке общего, единичного определения и контекста употребления данного понятия для интеграции различных точек зрения в единую научно-обоснованную теорию ценностей. Российский ученый Н. С. Розов полагает, что на смену классической философской теории ценностей о вечной, неизменной, независимой от человека иерархии ценностей приходит конструктивная аксиология, основные черты которой – историзм и понимание необходимости постоянного обновления ценностей в ходе развития человеческой цивилизации – были осознаны в полной мере совсем недавно [17].

Несомненно, что среди классиков социологической науки, внесших весомый вклад в методологические основы теории ценностей, на одном из первых мест стоит Э. Дюркгейм. В своей работе «Ценностные и «реальные» суждения» [9, с. 287; 291; 304], он обосновал социальную сущность

ценностей, их генезис. По его мнению, вещи обладают ценностью, независимо от их субъективного восприятия. Следовательно, ценностное отношение в форме суждения проявляется к тому, что реально в своем бытии. Истинные ценностные представления, свободные от индивидуальных инверсий и привнесений, это представления коллективные. Хотя здесь сказано социцентризм данного мыслителя, однако, если полагать, что в любом коллективном образовании отдельное, индивидуальное не становится беднее, не растворяется, а обогащается за счет общего, то Э. Дюркгейм был бы намного ближе к истине, чем на самом деле.

В своем генезисе социальное содержание ценности проистекает, отмечает Э. Дюркгейм, из устремлений людей к наиболее совершенным формам социальной жизни и деятельности – идеалам.

В другой работе: «Самоубийство: Социологический этюд» Э. Дюркгейм обосновал целую систему методологических положений, касающихся проблем национально-патриотического сознания [8, с. 399]. Это особенно ценно, поскольку в социологии, даже в наши дни редко встречаются размышления по поводу патриотической социализации как стихийной, так и сознательной. «Вкус ребенка формируется, приходя в соприкосновение с памятниками национального вкуса, заветами предыдущих поколений» [8, с. 304]. Будучи весьма сдержанным при характеристике роли психологии, аффектов социальной жизни, Э. Дюркгейм, тем не менее, делал в этом отношении интересные признания: «В основании всех социальных норм заложены деятельные и живые чувства...» [8, с. 306]. Поскольку ценностно-патриотические представления многими своими элементами (чувства святости Родины, долга перед нею и др.) также входят в социальные нормы, то упомянутое высказывание относится и к патриотическим ценностям.

Нисколько не уменьшилось для нашего времени методологическое значение творчества другого классика Т. Парсонса в области ценностной проблематики. В его интерпретации ценности выступают мощным фактором интеграции всей социальной системы. Так, обязательность членов общества в отношении свободы и ответственности собственной и других людей «служит проявлением в действии приверженности ценностям и, следовательно, главной точкой сочленения социальной общности с нормативным аспектом культурной системы» [15, с. 368]. Из дальнейших рассуждений автора вытекает, что ценности по их регулятивной функции стоят во главе всей нормативной системы. «Сочленение системы норм и экспектаций с «регулирующими» их ценностями может быть названо легитимизацией нормативной системы» [15, с. 368]. О доминирующей роли ценностей в жизни общества и личности свидетельствует следующее высказывание классика: «самый важный структурный компонент социальной системы, закладываемый нами институционализированными ценностями...» [16, с. 469].

Основной методологический интерес во взглядах на ценностные аспекты социологии М. Вебера состоит в признании доминирующей роли не

столько субъективного, сколько субъектного, то есть индивидуально-личностного начала в жизни общества [3, с. 83]. Сюда же можно отнести и его позицию о значении духовности в становлении и функционировании социальной организации.

Представляется, что в веберовской концепции ценностей в основном выдержан различный баланс объективного и субъективного. В ней ценность предстает как детерминированный характером эпохи главный способ социального выбора и социальных действий. Вместе с тем социальные ценности являются таковыми не только потому, что исходят от нормативной системы социума, но и от общепризнанных желаний, мнений индивидов по поводу общественного устройства и образцов поведения в нем.

Почти все без исключения авторы, исследовавшие категорию ценности, в качестве основного признака отмечают ее нормообразующий характер в сфере социальных, политических, правовых, моральных, социокультурных факторов. «Они – т. е. ценности, отмечал, в частности, Н. Смелзер, – обосновывают нормы или ожидания и стандарты, реализующиеся в ходе взаимодействия между людьми» [18, с. 51]. П. Сорокин вообще считал ценности решающим фактором социального регулирования всех частей цивилизационного процесса в целом. «Если ни религиозные, ни этнические, ни юридические ценности не контролируют наше поведение, то тогда что же остается? Ничего, кроме грубой силы и обмана» [19, с. 500].

В наше время зарубежные исследователи социальных ценностей, продолжая изучать их в столь же глубоком теоретико-методологическом ключе, как и упомянутые здесь классики, акцентируют внимание на «веберовском направлении» – возрастании субъектно-личностного начала ценностного воздействия на социальную реальность; анализируются также проблемы сохранения национально-культурной идентичности в обстановке глобализации социальных систем, возросшей опасности ментальным, антропологическим ценностям вмешательства в генетический строй индивида и т. д. Динамизация социальной жизни в современную эпоху, по мнению Т. Лукмана, ни в коей мере не должна ослабить влияние на социальный облик и действия людей отобранных веками человеческой истории ценностей морали, культуры. Он подчеркивает непреходящее значение «глубинных слоев опыта и действия в человеческом существовании. Они полагаются в конструкции протоморали как само собой разумеющиеся, но только один элемент среди них играет особую роль. Это – ценности ...» [12, с. 56].

Своей гуманистической направленностью отличаются идеи немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса. В теории коммуникативного действия раскрывается познавательная сторона его интереса к социально-ценностной проблематике. «Ценностно-ориентированное взвешивание целей и целерациональное осмысление имеющихся средств служат принятию разумного решения относительно того, как нам следует воздействовать на объ-

ективный мир, чтобы вызвать к жизни то, или иное желательное для нас его состояние» [22, с. 17].

В социологической науке имеются и такие подходы к пониманию ценностей, которые слишком широко трактуют данный феномен. Так, охарактеризовав основные составляющие социальных систем – «социальные действия, социальные отношения, социальные личности и социальные группы», Ф. Знанецкий приходит к следующему обобщению: «Какие бы иные ценности не входили в состав социальных систем, они обусловлены отношением к этим фундаментальным, или первичным социальным ценностям и рассматриваются как отдельные свойства, формы поведения, отношения тех, которые являются главным объектом активного интереса, и потому носят характер вторичных общественных ценностей» [10, с. 62–77].

В принципе разделяя с Ф. Знанецким дифференциацию ценностей на первичные и вторичные, мы также отмечаем правомерность трактовки этой категории как универсальной, интегрирующей многие основополагающие понятия социологической науки.

Таким образом, рассмотрение различных подходов к пониманию сущности ценности дает возможность сформулировать ее определение. Ценность как структурообразующая категория, интегрирующая блага, нормы, идеалы, потребности, установки – это положительное или отрицательное отношение субъекта ко всем явлениям социальной реальности [4, с. 18].

Ценности – это социокультурная значимая матрица, посредством которой субъект оценивает свое бытие, свои побудители социальной активности: потребности, интересы, цели и идеалы. Ценностная матрица, доминирующая в социальной и духовной структуре личности, является главным элементом социокультурных приоритетов, которые реализуются в основных целях и принципах поведения. Она выступает в качестве гносеологически значимого инструментария, позволяющего обнаружить возникающие разночтения в определении ценностных категорий и необходимость разработок новых в соответствии с изменяющимися реалиями.

Список использованных источников

1. Абушенко, В. Л. Ценность / В. Л. Абушенко // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицианов. – Минск, 1998. – С. 798–799; Дробницкий О. Г. Ценность / О. Г. Дробницкий // Философская энциклопедия. – М., 1970. – Т. 5. – С. 462; Каган, М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997; Кисель, М. А. Ценностей теория / М. А. Кисель // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 763–764; Макаревич, М. А. Ценность / М. А. Макаревич // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. академика РАН Г. А. Осипова. – М., 1998. – С. 609–610; Красота. Добро. Истина: очерк истории эстет, аксиологии / Л. Н. Столович [и др.]. – М., 1994.
2. Беркли, Дж. Сочинения / Дж. Беркли. – М., 1978.
3. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.

4. Гащенко, Л. А. Методологические проблемы формирования патриотических ценностей современного студенчества: моногр. для науч. работников по спец. 22.00.01. – Теория, методология и история социологии / Л. А. Гащенко. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2003.

5. Динамика ценностных ориентации молодежи трансформирующегося общества / под ред. академика Е. М. Бабосова. – Минск: ИООО; «Современное слово», 2001.

6. Добренков, В. И. Фундаментальная социология: в 15 т. / В. И. Добренков, В. И. Кравченко. – Т. I: Теория и методология. – М.: ИНФРА, 2003.

7. Дробницкий, О. Г. Мир оживших предметов. Проблема ценностей и марксистская философия / О. Г. Дробницкий. – М., 1967; Тугаринов, В. П. Теория ценностей в марксизме / В. П. Тугаринов. – Л., 1968; Философия и ценностные формы сознания. – М., 1978; Марксистская теория оценки / В. Брожик [и др.]. – М., 1982.

8. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр.; под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994.

9. Дюркгейм, Э. Ценностные и «реальные» суждения / Э. Дюркгейм // Социология. – М., 1995.

10. Знанецкий, Ф. Исходные данные социологии / Ф. Знанецкий // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994.

11. Лапин, Н. И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 1994. – № 5.

12. Лукман, Т. О социологическом видении нравственности и нравственной коммуникации / Т. С. Лукман // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. – М.: Интеллект, 1998.

13. Макаревич, М. А. Ценность / М. А. Макаревич // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. академика РАН Г. А. Осипова. – М., 1998. – С. 609; Юлдашев, Л. Г. Теории ценности в социологии: вчера и сегодня / Л. Г. Юлдашев // Социологические исследования. – 2001. – № 5. – С. 148.

14. Маркс, К. Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 27.

15. Парсонс, Т. Общий обзор / Т. Парсонс // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М.: Изд-во «Прогресс», 1972.

16. Парсонс, Т. Функциональная теория / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994.

17. Розов, Н. С. Конструктивная аксиология и интеллектуальная культура будущего // Философия образования для XXI века / Н. С. Розов. – М., 1992; Розов, Н. С. Философия гуманитарного образования: ценность основания и концепция базового гуманитарного образования в высшей школе / Н. С. Розов. – М., 1993; Розов, Н. С. Устойчивое развитие и ценностное сознание / Н. С. Розов. – Новосибирск, 1994.

18. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – М.: Феникс, 1994.

19. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин – М.: Политиздат, 1992.

20. Каган, М. С. Список основных работ по аксиологической проблематике приводится в библиографическом приложении в книге // Философская теория ценности / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997.

21. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас; пер. с нем. – М.: Изд-во «Весь мир», 2002.

22. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М.: Изд-во центр Академия, 1995.

23. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас; пер. с нем. – М.: Изд-во «Весь мир», 2003.

24. Ценность // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.

25. Чернякова, Н. С. Ценностная природа истины: автореф. ... д-ра наук. / Н. С. Чернякова. – М., 1995.

26. Юм, Д. Сочинения: в 2 т. / Д. Юм. – М., 1980. – Т. 2.

(Дата подачи: 29.01.2015 г.)

И. В. Жук

Республиканский институт высшей школы, Минск

I. Zhuk

National Institute of Higher Education, Minsk

УДК 1:316

КАК ВОЗМОЖЕН ДИАЛОГ? (К КРИТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ)

HOW THE DIALOGUE IS POSSIBLE? (TO THE CRITIQUE OF SOCIAL ONTOLOGY)

Статья подготовлена на основе материалов доклада в рамках конференции, посвященной проблемам социальной онтологии. Целью статьи является проблематизация темы Другого с тем, чтобы указать на «фигуру» Третьего в диалоге, что задает возможность социо-культурного пространства как пространства диалога и требует критики понятия «социальной онтологии». Сам факт обращения к проблеме диалога и проблеме Другого в философии и культуре XX-XXI веков свидетельствует о глубинном разладе новоевропейского человека с самим собой.

Ключевые слова: диалог; речь; Я – Другой; сущее; бытие; со-бытие; интерсубъективность; социальная онтология.

Article prepared on the basis of the report of the Conference on social ontology. The purpose of the article is the subject of Another problem in order to indicate the «shape» of the Third dialog that sets to socio-cultural space as space requires dialogue and criticism of the concept of «social ontology». The very fact that the issue of dialogue and the Other in the philosophy and culture of the XX–XXI centuries demonstrated the deep disorder new European person himself.

Key words: dialogue; speech; I – Other; things; Genesis; the Genesis; intersubjectivity; a social ontology.

С удивительной настойчивостью, регулярностью, а иногда и легкостью мы вновь и вновь обращаемся к проблеме диалога, полагая диалог в качестве одной из фундаментальных ценностей современного многополярного мира и многообразного топоса современной «мозаичной» культуры. Сам факт обращения к проблеме диалога и проблеме Другого в философии и культуре XX–XXI вв. свидетельствует как о некотором глубинном разладе новоевропейского человека с самим собой, так и о некоторой фундаментальной разобщенности с миром вообще, и с миром Другого в частности. Разобщенность толкает нас к проблематизации диалога, к общению с Другим, к поиску оснований «общности». Утомленный монолизмом собственного Я, современный человек, захлебываясь в потоках коммуникации, бросается на встречу Другому.

Но «встреча» отнюдь не гарантирована. Два монолога – это еще не диалог, равно как и много докладов о диалоге еще не гарантируют нам «общности» и приближения к проблеме диалога и проблеме Другого. Ведь встреча с Другим как событие диалога предполагает «опыт Третьего» и полагает присутствие Третьего в диалоге. И этот парадокс недостаточно объяснять так, будто бы «человек Петр смотрит как в зеркало в человека Павла» и при этом обретает еще некую свою «социальную сущность». Она от этого не менее абстрактна и иллюзорна. Так «Третьего не будет», а значит не будет и Другого. Хорошо бы и нам в разговоре о Другом не забыть и о месте Третьего в диалоге.

Не уверен и в том, что следует «забыть Фуко», а вместе с ним и Беккета, ибо тезис о смерти автора и реплика, «Какая разница – кто говорит?», свидетельствуя о «риторической утомленности» современного человека в потоках коммуникации, симуляции и «словоблудия» (вспомним, хотя бы, у Арсения Тарковского: «Мне опостытели слова, слова, слова...»), отнюдь не снимает проблему Другого в диалоге, но, напротив, заостряет ее, указывая на фигуру Третьего.

«Постмодернны скрипторы» не походят на самоубийц. «Здоровый прагматизм» сверхсовременных авторов (еще бы, представьте себе «здоровый прагматизм самоубийцы» – здесь тройное *contradictio in adjectio*) и той многочисленной компании проворных философствующих писак (корректнее – работников литературного труда), эксплуатирующих эту тему и все еще продолжающих «добывать» бедного автора, увы, не позволяет им вступить «на тропы молчания» или раствориться «в тумане анонимности».

Напротив, если пост-современность и испытывает еще некий «страх и трепет», то это страх и трепет перед анонимностью и молчанием. (О, они, как бы это не забыть сказать, «как бы» не молчат! – По принципу: «Кто «чирикнет» громче всех, тот получит большую сладкую конфету!»). Кажущаяся анонимность «логина» остается в ряду псевдонимичности (мало Мастеров, сплошь какие-то Иваны Бездомные) и слишком далека от улисовского «Никто». Псевдонимичность логина выдает, скорее, «нуворишевскую» страсть к самоназыванию (*Я сам себе дам имя!* – Ну, что-то вроде «Пупкин & С^о»), когда культ *selfmademan* неизбежно приводит к пароксизмам *selfnamedman* или, «сказать по-нашему», к самозванству.

Кому-то, быть может, и показалось, что «тайна Имени» могла раствориться в Кбайтах информации и в сетях «мировой паутины» (о, эти странные знаки времени). Однако поэт неустанно спрашивает: «Что в имени тебе моем?...» Говоря о смерти автора, каждый, похоже, имеет в виду не себя, но Другого (или, по крайней мере, другого автора в себе) и, в конечном итоге, – Автора с большой буквы.

Этот текст получился нескладным, разрастаясь в разные стороны не линейно, как ризома (может это и есть «ризоматическое письмо»?). Поэтому